

СНЫ ЖИЗНИ

Я помню сны с детства, причем не обрывочные, хаотичные, а последовательные, сюжетные. Видимо, так проявлялся во мне художественный дар, когда писать я еще не умел. С 1966 года я стал записывать сны, и сейчас их накопилось столько, что впору издавать книгу. В снах я вижу прежде всего отражение творческой работы души. Не отрицаю таинственного, предсказательного значения иных снов, но такие приходят чрезвычайно редко. В целом же они отражают изменчивую действительность, как отражается наше лицо в текучем потоке ручья.

1966 год. Первый письменно зафиксированный сон.

Приснился мне сон в ночь с 23-го на 24-е мая. Сон такой необычный и хороший, что весь день я помню его, и только сяду и задумаюсь - он сразу встает передо мной.

Снилась мне портовая таверна. Много моряков, все пьют, и из разговоров я понимаю, что сегодня они уходят в дальний рейс. За одним из столиков я вижу очень знакомого человека. Рядом с ним сидит девочка лет двенадцати с длинными, падающими на плечи волосами, глазами-озерами и поразительно милым и прекрасным лицом. Человек за столиком до бесчувствия пьян.

Звучит колокол громкого боя. Матросы срываются с мест и бегут из таверны. Девочка просит меня помочь отвести этого человека на судно, иначе он останется здесь и опять долгое время будет без работы. Я вывожу его на пирс и вижу, как отходит теплоход с надписью на корме «София». Я что-то кричу, «София» останавливается, подходит кормой к нам, открывается дверь, мы заводим этого человека. Матросы разбирают палубу в салоне, чтобы доставить его в каюту, а я с девочкой то где-то иду, то куда-то поднимаюсь, то опускаюсь и оказываюсь во дворе своего старого деревянного дома.

- Кто же он? - спрашиваю я девочку о том человеке.

- Мой отец, - тихо отвечает она.

- Твой отец? А как его фамилия? Я, может, знаю его.

- Его знают миллионы. Это Джек Лондон. (Тут я забыл какую-то фразу.)

- Он больше не пишет?

- Нет! Он очень много пишет.

- А где же его шхуна? (И я тщетно пытаюсь вспомнить название шхуны.)

- Она разбилась вместе с моей матерью. Отец так одинок и несчастен. Все думают, и ты, наверно, тоже, что он умер в 1916 году. Но это неправда. Он жив и каждый год отправляется плавать со своими героями.

Девочка вдруг замолкает и, устало закрыв глаза, кладет свою головку мне на плечо. Горечь и обида за ее отца (что я не смог поговорить с ним хотя бы немного), нежность и что-то большое (ранее неведомое) к девочке нахлынули на меня, и я в полной растерянности молчу и не знаю, что мне делать.

- Ну, мне пора, - говорит девочка и мелкими шажками идет к балкону старого дома.

- До свидания. Мы встретимся с тобой?

- Наверяд ли. Если только опять во сне.

Она поднимается на балкон и из-за занавески машет мне рукой. Я бегу к своему крыльцу, машу ей в ответ, ее изображение тает и расплывается, а мне вдруг становится чего-то жалко, как будто я упустил что-то очень важное. Я, сдерживая рыдания, бегу домой, а за занавеской, на знакомом балконе, стоит и машет мне рукой дочь Джека Лондона.

29 сентября 1989 года.

Сегодня помню кусочек сна. Я живу один на каком-то хуторе и слышу, что идет множество людей. Вышел, смотрю: идет колонна немецких солдат. Все с полной боевой выкладкой, в касках, с автоматами, и форма на них немецкая, но цвет - как у наших гимнастерок. Офицер скомандовал, они остановились. Их много, не

меньше батальона. Я смотрю на них, мне их жалко: ведь дети совсем, у одного, который ближе ко мне, шея как у подростка, и каска велика и даже как-то нелепа для его головы. Тут я догадываюсь, что это же ночь на 22 июня, сегодня начнется война, немцы продвигаются к границе. И думаю: надо и мне на войну идти, пусть я старый, и силы молодой нет, но все равно не отстану я, сзади плестись не буду и окоп вырою, и бежать смогу. А потом вспомнил себя молодым, двадцатилетним, и понял, что очень тяжело мне будет. Тут я вижу, что по полю идет Т. Е. Я к ней: «Какое сегодня число?» - «25 июня» - «Как 25-е?». А офицер подал команду, солдаты подравнялись, пошли и запели песню. Я ее очень хорошо знаю, но во сне забыл, какая-то пионерская маршевая песня 20-х годов. Т. смотрит на меня с изумлением, а я говорю, что так бывало: брали нашу мелодию, а слова приделывали свои. И вот идут солдаты с песней, и уже близко граница, сейчас они перейдут ее, и начнется война. А они вдруг запели по-русски, но на ломаном русском языке.

9 апреля 1992 года.

Ужасный сон со Сталиным. Будто идет процесс 37-го года. Полный зал людей, и я тут. И атмосфера ужаса. Сталин здесь: то в зале у стены стоит, то у окна. Все на него смотрят. Выступают подсудимые. Потом их уводят. Увели куда-то за сцену, свели по лестнице. И вдруг - крики. Их бьют там. И крики перерастают в вой, в тот вой, когда человека не бьют, а мучают, истязают, зная, что причиняют ему боль, и делают это намеренно, чтобы он страдал. Я смотрю на Сталина: он отдаст сейчас команду, чтобы это прекратили, ведь не может быть, чтобы это делали с целью, чтоб слышали люди в зале. Но он стоит спокойно. Я гляжу на всех. У людей на лицах застывшее выражение ожидания. А вой уже в стенах, в какой-то дерущий по душе визг переходит. Я не мог больше слышать и проснулся. И долго

Роберт БАЛАХИН

лежал, переживая. Неужели все это было на самом деле? И людей так мучили?

16 февраля 1994 г.

Сегодня сон, что будто нас троих расстреливают: меня, В. Ш., третьего не помню. Происходит это на крыльце здания моей работы. Крыльцо высокое, крутое, а расстрельщики (их человек 5-6) стоят внизу. Офицер подал команду, они вскинули автоматы, я закрыл глаза, чтоб не видеть их лиц, шепчу про себя: «Господи, помилуй», и мне почему-то нисколько не страшно. Они выстрелили, я удивился: стреляют из автоматов, а выстрелы одиночные. Мне пуля пробила живот. Мы упали. Я лежу, кровь из меня хлещет струей, но я (тут сложное чувство: и радость, и обида, и удивление) жив. Скоро умру я и товарищи мои - тоже. Но умереть молча не хочется, и я запел «Воскресение Христово видевше». Пою с трудом, слова вытаскиваю в ритм вытекающей крови, однако к концу начинаю петь легко, свободно и догадываюсь, что это предвестие жизни, я буду жить, им не удалось убить меня, а только ранить. И так вдохновился этим, что дай, думаю, какую-нибудь советскую боевую песню гряну, чтоб доказать им, что я их не боюсь. («Воскресение Христово» - не из доказывающих.) И запел «Протрубили трубачи тревогу», и когда пел: «До свиданья, мама, не горюй», то чувствовал, что мать жива. А когда запел: «Все в жизни мы храним и любим», то слышу: кто-то подпевает мне.